

Пролог

Из его макушки исходил красный свет. Порой ему казалось, что он — акула, которая, опустив нагрудные плавники, приподняв нос и сгорбив спину, прорезает окровавленную воду, отдавая при этом все силы, лишь бы первой оказаться возле добычи.

Забылось, что акула не различает цветов и не может видеть крови. А он уже слеп от того ядовито-красного, что составляло теперь его мир. И тупел от усталости, разбирая — камень за камнем — обвалившиеся стены. Кирпичи тоже были красными.

Эта однообразная работа, которой не было конца, опускала его на животный уровень, потому что стены вырастали снова и снова, точно акулы зубы. В его голове больше не находилось места ни мыслям, ни воспоминаниям.

Только одна догадка проскользнула в мозг красной рыбешкой, до того верткой, что он тут же забыл о ней. Ее плавники сверкнули напоминанием о радуге, в которую он некогда мечтал окунуться. Уйти целиком. И еще в этой догадке было что-то о начале начал... О красном цвете.

Он не сумел связать эти разрозненные клочки мыслей, и они распались, потерялись в кровавой мути,

Ю Л И Я Л А В Р Я Ш И Н А

которая (ему вдруг вспомнилось!) образовалась после взрыва. Таким способом человек глушит рыбу. Выходит, он убивает себя самого.

Не зная, что предпринять, он опустил взгляд на свои руки. Ладони были изодраны, и кровь влажно поблескивала на ссадинах. Но это означало, что он жив. Что взрыв обошел акулу стороной, поставив ей готовую добычу на обед. Он вдруг так ясно увидел оставшееся после взрыва, что закричал. Но не проснулся... Потому что он и не спал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Прослушав записи на автоответчике, Даша протяжно вздохнула:

— С ума сойти! Всего две заявки... Этак можно и по миру пойти.

Ее вздох оживил прозрачные занавески на окне, и в их паутинных переплетениях задрожало солнце. Оно обманчивым теплом скользило по лицу, хотя с самого Крещения держалась стужа.

Дашу такая погода приводила в отчаяние, как и любого, кого кормят ноги. К вечеру она совсем их не чувствовала и, прибегая домой, падала у батареи, стараясь просунуть ступни между чугунными ребрами.

На подругу она поглядывала с боязливым восхищением: ей самой и в голову не пришло бы мчаться два квартала по морозу, чтобы просто поболтать.

— А я тебе говорила, что после Нового года будет еще хуже, — напомнила Вера, не отрывая взгляда от журнала. Когда она переворачивала страницы, Дашу слепили быстрые блики. — Все хуже и хуже, — зловеще продолжила подруга.

— Почему? — рассеянно спросила Даша, чтобы поддержать разговор, хотя мысли занимало совсем другое.

Влажно втянув воздух, Вера грозно произнесла:

— Ты забыла, что предсказал Нострадамус?!

— А что он предсказал? — покорно поинтересовалась Даша, украдкой погладив вытянутый подбородок рыжего кота, которого она, не мудрствуя, назвала Рыжий.

Укоризненно качнув маленькой, птичьей головкой, Вера протянула:

— Ну, ты вообще какая-то темная стала... Ничем не интересуешься, что ли?

— Я работаю, — сухо напомнила Даша. — Я только и делаю, что работаю. Мне хочется свозить Сережку к морю.

— А этого куда денешь? — перейдя на шепот, подруга кивнула на закрытую дверь в смежную комнату.

— Так что предсказал Нострадамус?

— Что перелом в этом году будет. Одиннадцатого июля.

— А час не указал?

— Чего ты смеешься?! Купила баба порося и хохочет! Мало тебе одного ребенка на шее?

Даша встревоженно прислушалась к тому, как внутри все мелко, неудержимо затряслось. Сейчас она могла или расплакаться, или раскричаться. И то и другое было одинаково противно.

— Никогда не говори про моего сына, что он у меня на шее.

Испуганно вскинув мгновенно прояснившиеся глаза, Вера поспешно завершила:

— Да ладно, не буду... Что ты? Я сама Сережку люблю, ты же знаешь!

— Тем более.

— Да я не о нем разговор-то завела... С этим что будешь делать? Он сейчас спит?

— Может, уже проснулся. — Даша прислушалась. — Он не зовет.

— И то ладно. Хоть ночами не будит. Ты врачам его не показывала?

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

Она виновато вздохнула:

— Да я же без денег! Что было — ушло на поездку...
Нет, всё! Не могу я об этом. Опять сейчас разревусь.

Уткнувшись в журнал, Вера ревниво заметила:

— Ты ее прямо как-то не по-сестрински любила...

— Как это — не по-сестрински? Что за глупости?

— А я ее почти и не помню. Она была такой же красавицей, как ты?

Даша уклончиво ответила:

— Мы не были похожи.

— И она еще и старше на четыре года.

— Ну и что? Что ты хочешь этим сказать? И вообще перестань... Я не могу, неужели не понимаешь?!

Шлепком захлопнув журнал, Вера вскочила с кресла — так резко, будто ее вытолкнула невидимая пружинка, — и замахала узкими смуглыми ладошками:

— Всё, молчу!

Но от Даши не укрылось, как любопытство пульсирует в ней толчками, заставляя то подергивать плечиками, то хмуриться, то шмыгать носом. Несмотря на мороз, все кругом болели гриппом, и даже школы уже несколько дней были закрыты.

«Не заразиться бы от нее, — с тревогой подумала Даша. — Мне сейчас нельзя болеть».

Этого она вообще себе не позволяла, потому что надеяться было не на кого, а Сережка мог рассчитывать только на нее. Стоило Даше почувствовать недомогание, как она проводила своеобразный аутотренинг, сердито повторяя себе: «Я не для того родила сына, чтобы он сидел голодным».

Уже утром она вешала на шею фотоаппарат, на плечо видеокамеру и мчалась снимать очередную свадьбу или юбилей, детский утренник или похороны. Заявки поступали к ней через фирму «Досуг», которая публиковала рекламу в тех газетах, которые Даша и читать-то брезговала. Но как раз эти издания пользовались все

большой популярностью, и тут уже было не до шепетильности. На жизнь им с Сережкой хватало, правда, поездка к морю по-прежнему оставалась далекой мечтой. Ночами она тепло ласкалась проблесками снов, и Даша, совсем разнежившись к утру, весь день напоминала себе, что надо поднажать, опередить других, выполнить побольше заявок, и тогда, может быть...

Пока же ее сбережений хватило на то, чтобы проехать триста километров и похоронить сестру с племянницей.

— А этот... — умоляющим тоном снова начала Вера, всем своим видом давая понять, что ее разобьет паралич, если она немедленно всего не выяснит.

Даша сдержанно напомнила:

— У него имя есть.

— А? Ну да... Этот... Данил... Он так ничего и не вспомнил?

— Вспомнил... Только он просит, чтобы его называли — Данил...

...Он смотрел на нее снизу чистыми доверчивыми глазами семилетнего ребенка.

— Данил, чего ты хочешь? — Она ласково провела рукой по его коротким гладким волосам, дымчатым от пробивающейся седины.

— Давай полетим на радугу, — застенчиво попросил он и мечтательно улыбнулся.

Даша растерялась:

— Как это — на радугу?

— Ксения обещала, что мы полетим на радугу.

— О господи! — Она догадалась, о чем он говорит. — Да ведь ты уже на радуге... Это наш район так называется — «Радугой». Не официально, конечно... Мы с Ксенией тут выросли. Это сюда она хотела тебя привезти.

Он опять улыбнулся и часто заморгал:

— Сюда? Это — радуга?

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

«Он разочарован, — мелькнуло у нее в мыслях. — Только бы не заплакал». Быстро опустившись на колени, Даша уверенно взяла его безвольные руки и легонько встряхнула:

— Послушай, Даня... Ксюша не имела в виду настоящую радугу. Туда еще никому не удалось слетать. Это... ну, как линия горизонта. Ты ведь знаешь, что такое горизонт? Все его видят, а достичь не могут. Море — оно тоже на горизонте... По крайней мере для меня.

Было заметно, что Данил изо всех сил старается понять, о чем она говорит. Его улыбка стала напряженной, а над переносицей возникли отчетливые морщины. Он сидел прямо на ковре, безо всякого стеснения разложив крупные, волосатые ноги, не прикрытые короткими спортивными трусами, которые Даша отыскала в старых вещах. Дома было жарко, и Сережка тоже бегал в одних плавочках.

Посмотрев на ее руки, Данил вдруг спросил:

— Ты — Ксения?

— Нет, я не Ксения, — терпеливо возразила она. — Я — Даша.

— Я думал, ты — Ксения, — в его голосе не чувствовалось досады, но Даша подозревала, что Данил ее испытывает.

— Наверное, мы все же чем-то похожи, — согласилась Даша. — Но я не Ксения. Я ее младшая сестра.

— У тебя глаза, как у Ксении.

Это было неожиданно. «Он совсем запутался», — с огорчением подумала Даша. Глаза у сестры были серыми, а не карими. Такие они в детстве подрисовывали принцессам — снизу веко было совершенно прямым, а верхнее закруглялось... «Радугой», — поняла Даша только сейчас. Правда, у принцесс глаза всегда делались синими, иначе сестры и представить не могли. Дашу огорчала темная окраска своих глаз, ведь в сказках такой взгляд цвета ночи бывал только у злых ведьм. Но

ведьмой она себя не чувствовала и не могла смириться с такой несправедливостью природы.

Сестру же, напротив, ничуть не расстраивало, что ее глаза похожи не на синее море, а разве что на лужицу после дождя. Ей попросту некогда было переживать из-за таких пустяков. Идеи разрывали Ксению на части, и хотя их воплощение она обычно на кого-нибудь перекладывала, но этих многочисленных «кого-то» ведь требовалось организовать... К девятому классу она уже стала секретарем комсомольской организации школы.

А вот волосы у них были одинакового — пшеничного — цвета. Ксюше не хотелось возиться с ними, и она всегда стриглась как можно короче. Даше отец изредка подравнивал волосы на уровне подбородка. Они разделялись пробором и пышным облачком взлетали при ходьбе, не закрывая лба.

— У меня волосы, как у Ксюши, — мягко поправила она, поглаживая теплые руки Данила. — Ты ошибся.

— Ошибся, — легко согласился он.

«Интересно, он и раньше не был спорщиком? — подумала она с любопытством. — Или это тоже от болезни?»

— А где шарики? — подняв глаза, спросил Данил не требовательно, а даже несколько виновато, будто понимал, что докучает своими бесконечными вопросами.

Но другого выхода у него просто не было, ведь у самого больше не находилось ответов. Да и вопросы вспыхивали только время от времени яркими искрами, оторвавшимися от той самой радуги, о которой Данил мечтал.

— Какие шарики? — Даша еле удержалась, чтобы не сказать ему «маленький», как говорила сыну.

— Цветные, — охотно пояснил он.

— Ты хочешь цветные шарики? Я сегодня же куплю тебе, договорились?

— Договорились, — Данил радостно улыбнулся и качнул крупной стриженной головой.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— А что ты будешь с ними делать?

Продолжая улыбаться, он поглядел на нее с легкой укоризной, словно Даша по недомыслию задала слишком интимный вопрос. Но все же пояснил:

— Играть.

— Ну конечно...

Она опять почувствовала, как в горле зашевелился теплый комок, который не мог рассосаться уже вторую неделю. Даша точно помнила, как он шевельнулся впервые, точно ребенок в утробе. Это произошло в тот момент, когда до нее дошел смысл страшных в своей нелепости слов, вылетающих из телефонной трубки: «Взорвали квартиру... То ли их, то ли соседскую — обе завалились. Армянин там жил... Даша, Даша, вы меня слушаете?»

Она слушала. Она выслушала все очень внимательно, потому что надеяться, как всегда, не на кого, и нельзя было что-нибудь упустить. Положив трубку, она начала действовать собранно и решительно, словно успела запрограммировать сама себя. Созвонилась с Верой и по дороге на вокзал заскочила в школу, чтобы предупредить Сережку. Крещенские морозы заставляли передвигаться перебежками, а ей еще приходилось постоянно держать под контролем тот беспокойный комок, что так и норовил вырваться из горла.

Но все же эти хлопоты были лучше состояния полной беспомощности, в которое Даша погрузилась, очутившись в полупустом междугородном автобусе. Она прижалась к окну, хотя соседнее сиденье не было занято, и смотрела на замороженный мир с ощущением нарастающей жути. Даше чудилось, что ее нащипливают на каждую закристаллизовавшуюся ветку, и она представлялась себе дырявой, как сито, способное пропустить любое горе.

Ей впервые не хотелось запечатлеть то, что ее окружало, потому что Даша не видела в этом красоты. Она

даже не взяла с собой ни камеры, ни фотоаппарата, с которыми обычно не расставалась. Мысль о том, что можно снять похороны сестры, казалась ей чудовищной.

Но когда Даша отыскивала обуглившийся пятиэтажный дом с вырванным правым верхним углом, ей показалось, что она все же видит его через окуляр. Без таких кадров, как этот, все реже обходились телевизионные новости.

«Мы привыкаем к состоянию войны», — подумала она без надрыва и горечи. Просто подчеркнула факт.

— Это я вам звонила, — услышала она голос за спиной. — Помните меня? Я соседка снизу. Правда, вы уж давно не приезжали... Забыли, наверное?

— Нет, я вас помню.

— Что ж вы в вязаной шапочке? Простудитесь.

— Мне некогда болеть, — машинально ответила Даша, разглядывая смутно знакомую полную женщину, которая боролась с одышкой, прижимая к груди красную варежку.

Глотая окончания слов, соседка продолжила:

— Ксюшенька дала мне ваш номер, на случай чего. Будто предчувствовала... Бывает же такое! Ой... О чем я говорю?!

— Где они? — спросила Даша.

— Да где же... В морг увезли. А Данил тут сидит, у меня. Я ниже этажом живу. Как у нас-то ничего не обвалилось! Только стекла повывлетали. Ох, как страшно было!

Даша удивленно перебила ее:

— А какой Данил?

— Ну, как же? Неужели Ксюша не говорила? Верно, хотела сюрприз... Они ведь заявление подали. — Женщина робко всхлипнула, боязливо поглядывая на строгое Дашино лицо.

— Ксения собиралась замуж?

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

Та охотно подтвердила:

— Замуж. Только вот оно как обернулось... Их сразу убило. Ксюшеньку с девочкой. А ему ничего. Только он все равно...

— Что — все равно?

— Да вроде как не в себе. Наверное, по голове-то его все же ударило. А может, с горя... Сейчас-то он все равно как ребенок. Спрашиваю: «Где документы твои?» А он знай себе — улыбается! «Не знаю», — говорит. Мы там с мужем все обыскали — нет никаких документов. А я ведь ни фамилии его не знаю, ни отчества. Данил и Данил, как Ксения представила. Я еще, помню, спросила у нее: «Может, Данила?» Она говорит: «Вообще-то да, но ему кажется, что так звучит слишком по-детски. Он называет себя — Данил». А фамилию не сказала. А он-то сам теперь и не помнит. Сидит, смеется. А то иной раз так заскучает — прямо слезы на глазах. И все просит: «Спой мне. Про Барбоса спой». Ну, а куда мне петь? Я говорю-то — задыхаюсь.

С трудом осмыслив все услышанное, Даша хмуро поинтересовалась:

— А родственники у него есть?

— Ой, а кто ж его знает? Я его спрашиваю: «У тебя мама-то есть?» Всяко ведь может быть, он уже седой весь. А он опять улыбается: «У моей мамы руки белые». Что это значит? Может, в муке запомнил? Говорю: «А где мама-то?» А он на потолок показывает, и весь ответ. То ли померла и на небе, то ли живет где-то высоко.

— Но он же где-то работал? Там должны все о нем знать, — сказала Даша, затосковав от ощущения проснувшейся ответственности.

— Уж конечно, только Ксюша об этом не говорила. Я его спрашивала, а он твердит: «Я делал радугу из цветных шариков». Вот что это значит? Может, вы понимаете?

Даша беспомощно пожала плечами:

— Нет, не понимаю.

Отвернувшись, она опять нашла взглядом рваные края кирпичной стены. В той пустоте, где сейчас весело волновалась голубизна, еще вчера жила Ксения. Даша всегда допускала, что с сестрой может случиться какая-нибудь неприятность, как с любым человеком, который не способен тихонько отсиживаться в уголке. Но представить, что Ксения мертва, было невозможно. У Даши просто не хватало на это воображения, ведь в сестре всегда было столько жизни... Она была горячим ключом и часто, выплескиваясь, обжигала тех, кто находился рядом. Такие источники не пересыхают сами по себе...

— Как нелепо, — прошептала Даша, прячась за вуалькой белого пара.

Потрогав ее за рукав, соседка жалостливо произнесла:

— Я понимаю, не до того вам сейчас... Да мне ведь знать надо... Вы на счет Данила как решите? Заберете его или в больницу сдать?

— Забрать? — испугалась Даша. — Куда я его?

— Так вот, и я говорю, — женщина развела руками и, неуклюжая в своем едва сходившемся на груди пальто, сразу стала похожа на беззащитного пингвина.

«Ксения любила его, — напомнила себе Даша с невольной ревностью. — Она хотела стать его женой...»

— Где он? — обреченно спросила она, отгоняя опасные мысли о последствиях.

— Да все у меня, — в прерывистом голосе пробилась радость. — Я, конечно, не против, пускай бы жил. С ним хлопот-то никаких... Только, сами понимаете, цены на продукты ползут и ползут, а он ведь крупный мужчина, ему хорошо питаться надо.

— Я заберу его.

— А у нас со стариком только пенсия, да и ту не дожدهшься.

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

— Я ведь сказала, — нетерпеливо прервала Даша. — Не беспокойтесь.

С заметным облегчением переведя дух, соседка за семенила рядом, оживленно забрасывая Дашу вопросами:

— А вы-то сами как? Не нуждается?

— Я работаю...

— И муж, наверное, при деле? Вы такая хорошенькая! Муж, поди, на руках носит?

— Носит, — отозвалась Даша и про себя продолжила: «Носил бы, если б на свет родился».

Между приступами удушья то и дело пробивалось:

— Не смог приехать-то? У молодых нынче все дела... А как иначе? Наш сынок тоже... Все крутится, крутится... И Ксения сама-то дома почти не появлялась. Леночка все больше одна сидела.

Уже на лестнице соседка просипела:

— Бегите... Открыто там. Я на минутку выходила... Шестьдесят первая квартира.

Перескакивая через ступеньки, Даша вбежала на третий этаж и с разгона толкнула рыжую дверь. Раздался вопросительный скрип.

— Здесь кто-нибудь есть?

«Солнечная сторона, — вспомнила Даша, стараясь не наступить на выскользнувший в коридор светлый ромб. — Ксению это так радовало, когда она вышла за Бориса... Кто же мог желать ей смерти?! Только не он... Он бы и мухи не обидел...»

— Я есть, — донесся неуверенный мужской голос, и Даша, не разуваясь, шагнула в комнату.

«Ребенок! — едва не вырвалось у нее. — И впрямь — настоящий ребенок...»

Сидевший на полу мужчина доверчиво смотрел на нее и вопросительно улыбался. Он ничем не напоминал сумасшедшего, просто в его светлом взгляде не было ничего взрослого. Такую чистую глубину Даша за-

мечала только в детских глазах. Сережкины мельчали с каждым годом.

— Здравствуй, Даня, — просто сказала она, не представляя, как можно обратиться к нему на «вы».

— Здравствуй, — радостно отозвался он. — Ты за мной пришла?

— А ты поедешь со мной?

«Лучше бы он отказался», — подумала Даша в страхе. Не от того, что он мог согласиться, а от того, как ей вдруг захотелось, чтобы он согласился.

Но Данил, не задумываясь, ответил:

— Поеду. А куда?

Не сняв меховой куртки, в которой было удобно работать, Даша присела так, чтобы ему не приходилось задирать голову. Стараясь особенно не сюсюкать, она сказала:

— Ко мне домой. В другой город. У меня есть сын. Мальчик.

У нее язык не поворачивался предложить этому седому человеку играть с ее сыном, но Данил сам спросил:

— Он будет меня любить?

— Да, конечно! Он добрый.

— А ты? Ты будешь меня любить?

— И я буду.

«Может, он теперь вообще не чувствует возраста? — озадаченно подумала Даша. — И ему все равно, сколько лет мне, а сколько Сережке? А может... А может, он притворяется?! Нет... Зачем?»

— Ты хочешь какао? — улыбнувшись, спросил Данил. — Сегодня давали какао.

«Так говорят в детских садах, — вспомнила Даша. — Или в детских домах. Может, и не было у него никакой мамы с белыми руками?»

— Я не хочу какао, — отказалась она. — Я люблю кофе. Только сейчас мне некогда. Я должна уйти... Ненадол-

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

го. Сегодня ты еще переночуешь здесь, договорились? А завтра мы с тобой уедем.

Данил согласно кивал, улыбаясь. Заливавшее комнату солнце поблескивало на его волосах, как на круглой заснеженной макушке неизвестной горы.

«Это тоже после того? Или он и был таким?» — попыталась угадать Даша, разглядывая его седину.

Если б она спросила, Данил, пожалуйста, не понял бы вопроса...

...На похоронах она держала его за руку, как поступила бы со своим сыном. Ее тревожило, что если Данил опять начнет улыбаться, то это будет выглядеть более чем странно. Ведь всем не объяснишь... Поэтому, прежде чем вывести его из подъезда, Даша сильно сжала его руки и внушительно произнесла то, что должен был понять и ребенок:

— Послушай меня, пожалуйста. Мы сегодня хороним Ксюшу с Леночкой. Плакать не нужно. Просто думай о них. Ты ведь их помнишь? Договорились?

— Договорились...

Он без улыбки кивнул, и его заросшее лицо впервые за те часы, что Даша его знала, стало серьезным.

«Вот так, — с облегчением подумала она, довольная своим воспитательским успехом. — Надо уметь разговаривать с детьми на равных».

Но стоило выйти во двор, как усталость прошедших суток придавила Дашу к земле. Ей захотелось оглохнуть, потому что весь мир сотрясался от бесцеремонного грохота, доносившегося с соседней стройки, а совсем рядом всхлипывали какие-то женщины, которым незачем было плакать, ведь они даже не могли знать, что именно в Ксении нужно было оплакивать. Они делали это потому, что так полагалось на похоронах, и это казалось Даше отвратительным.

Она приказала себе не плакать ни в коем случае, хотя имела на это право. Вовсе не потому, что была

Ксениной сестрой, ведь родственники по крови зачастую оказываются самыми чужими людьми. А потому, что знала о Ксении всё.

«Нет, не всё, — поймала Даша себя на мысли и, незаметно нащупав руку идущего рядом Данила, мягко жала ее. — Я ничего не знала о нем. Он стал Ксениным миром, а я о нем даже не подозревала. Почему? Какой смысл был в том, чтобы готовить мне такой сюрприз? Почему в последнее время у нее появилось столько секретов? Она сказала, что сменила работу, но так и не призналась, чем занимается...»

Данил не ответил на ее пожатие. Его рука оставалась такой же безвольной, но он и не убирал ее. Даша с тревогой покосилась на его пугающе серьезный профиль, серьезный до резких морщин, пущенных из внешних уголков глаза к седому виску, до затвердевшей линии рта и сошедшихся бровей, будто присыпанных серебряной золой.

«Он все понимает! — с испугом подумала Даша. — А если он все же притворяется? Какой идиоткой я тогда выгляжу в его глазах... Да нет, что за чушь? Придет же такое в голову».

Внезапно он так порывисто наклонился к Даше, что она едва не отшатнулась.

— Ксеню увезут? — спросил он шепотом и внимательно заглянул ей в глаза.

— Да, — прошептала Даша. — А ты останешься со мной.

— А куда ее увезут?

— На кладбище. Там хоронят тела тех, кто уходит из этого мира.

— А если она захочет вернуться?

«Вполне естественный детский вопрос», — решила Даша, отогнав остатки сомнений.

— Если она этого захочет, ей дадут уже другое тело. Совсем маленькое. И мы с тобой уже не узнаем нашу Ксеню.